

Александр Громов

Погоня за хвостом

Часть сборника
Вычислитель (сборник)

Александр Громов
Погоня за хвостом

«ЭКСМО»

2001

Громов А. Н.

Погоня за хвостом / А. Н. Громов — «Эксмо», 2001

Горстка людей осталась от человечества, но и ей грозит смертельная опасность... Некогда люди создали мирмикантропов - генетически модифицированных людей с минимальными половыми различиями, неприхотливых, с новыми органами чувств и большой плодовитостью. Позже между людьми и мирмикантропами разгорелась война, которую люди проиграли. Остатки человеческой расы живут на последней планете в подземных крепостях-убежищах в условиях жесточайшей маскировки. Но мирмикантропы находят эту планету...

© Громов А. Н., 2001

© Эксмо, 2001

Александр Громов

Погоня за хвостом

Повесть

1

Вот уже вторую пульсацию Бранд жил один. И вот уже дней пятьдесят, не меньше, он отправлялся на охоту в одиночестве. Прежде его всегда сопровождал Гектор, старый пес и верный друг, обладавший редким даже для собаки чутьем и, что еще важнее, неукротимым бесстрашием. Мало учуять хищника издали и предупредить хозяина – часто бывает необходимо отвлечь на себя внимание зверя, пока хозяин ловит его в прицел. Умирая от внезапно подкатившей старости, пес лизал руки Бранда и тихонько скулил, будто умоляя хозяина простить его за то, что он, пес, уходит, оставляя хозяина одного в этом полном опасностей мире. Жизнь пса коротка; Бранд помнил отца и мать Гектора, помнил его бабушек и дедушек. Их короткие собачьи жизни наложились на его жизнь, как лоскуты на одеяло. А ведь Бранд далеко не считал себя стариком: пятьдесят два – разве это возраст? Уже год, как он стал дедом, а все еще силен и ловок, как молодой, и выносливее всякого молодого. Старость придет нескоро, лет через двадцать пять, а то и позже.

Но такой собаки, как Гектор, у него уже не будет.

Сегодня его потянуло туда, в дальний конец своих «владений», на край нагорья, где саванна сменяется лесом, к маленькому холмику на опушке. Собаку нельзя было хоронить поблизости от Дома. Собственно, по всем канонам ее вообще нельзя было хоронить, а полагалось уничтожить труп без остатка, но Бранд осмелился нарушить традицию. Кто обратит внимание на бугорок взрытой земли?

Обратили. Судя по разрытому холмику, какое-то животное пыталось добраться до трупа собаки, наткнулось на сланцевую плиту, которой Бранд прикрывал могилу от всякого зверья, не справилось с ней и ушло восвояси. Аккуратный холмик перестал существовать.

Бранд горестно постоял у оскверненной могилы. Ему нестерпимо хотелось поправить холмик, но он понимал, что этого делать нельзя. Любая структура на поверхности планеты, превышающая своей упорядоченностью определенный (и очень низкий) порог, способна привлечь внимание тех, чье внимание привлекать совсем не надо. На планете не должно быть ничего выходящего за рамки чисто природных процессов. Во всяком случае, ничего наблюдаемого извне.

Ни одной частицы мусора на поверхности! Ни одного предмета, не замаскированного под что-нибудь естественное и обыденное. Никаких зданий, труб и заборов, никаких плотин на ручьях. Если ходишь по саванне и не пользуешься тропами, протоптанными зверьем, – всякий раз выбирай новую дорогу. Спрячь глубоко под землей все, что можно спрятать, стань камнем или деревом, растворись в природе, тебя нет! Не пренебрегай ни одним из правил маскировки! Твоя оплошность может обойтись в такую цену, какую человечество еще никогда не платило.

Как пороли детей, беспечно мусорящих где попало! Чересчур чадолюбивых родителей община заставляла пороть своих чад самолично, чтобы больно было всем: и дурно воспитываемым, и дурно воспитывающим. Как правило, одного урока хватало на всю жизнь. Запомни с детства и никогда не забывай: рано или поздно, скорее все-таки поздно, чем рано, но НЕИЗБЕЖНО настанет момент, когда придут ТЕ, ДРУГИЕ.

Спасет ли тогда маскировка жизнь последней человеческой общины, горстки людей, рассеянных по горам и равнинам последней планеты, еще принадлежащей человечеству? Бранд не знал. Этого не знал никто. Но каждый твердо знал: если что-то и спасет, то только маскировка.

Имей Бранд возможность действовать на свой страх и риск – другое дело. Тогда он не колебался бы и секунды. Но на планете, помимо него, жило сто восемьдесят шесть человек, в том числе его дочь и два внука. И Бранд не имел права поступать по своей прихоти. Один раз, поддавшись сентиментальному капризу, он позволил себе нарушить неписанный закон – второй раз не позволит. Ни за что. Ради людей. А собака – это ведь только собака, к тому же мертвая.

Пискнул детектор живой массы. Бранд знал все его тональности: на сей раз в пределах чувствительности прибора оказался зверь с массой от ста восьмидесяти до трехсот килограммов. Умница Гектор учуял бы такую зверюгу за полкилометра – тупой прибор брал его от силы метров со ста.

Беглый взгляд на саванну – вроде пусто. Поодаль мирно паслось стадо жвачных некопытных. Отдельные купы деревьев располагались чересчур далеко, детектор не смог бы засечь прячущегося там зверя. Опасность могла исходить только из леса.

Бранд больше не смотрел на могилу собаки. Пятясь, он отходил, не сводя взгляда с корявых кустов на опушке. Хищник мог прятаться за ними. Впрочем, настраиваться на схватку раньше времени не стоило: скрывающееся в лесу животное, судя по его массе, вполне могло оказаться невзрослым травоядным увальнем, существом мирным и безопасным. Хотя и не обязательно...

На всякий случай Бранд ощупью выдвинул приклад плазменника, висящего на шее на коротком ремне. Так будет спокойнее.

Кусты всколыхнулись и пропустили зверя. Еще не видя его, Бранд определил породу хищника. Так ровно и мощно стартует только охотящийся клешняк – чешуйчатый, как шишка, зверь с передними лапами-клешнями, разрывающими добычу в клочья, и на удивление скромной пастью на маленькой голове – столь маленькой, что центральный мозг этого зверя помещается не в черепе, а в выростах позвоночного столба. Клешняк редко скрадывает добычу в засаде – обычно он предлагает жертве честное состязание на скоростную выносливость. Кто кого? Если против него невооруженный человек, исход ясен.

Бранд побежал.

Первым рывком – на одних задних лапах – хищник выиграл половину расстояния до человека. Затем Бранд почувствовал, как шаги преследователя за спиной изменились – клешняк опустил на четыре лапы и припустил за жертвой спокойной размашистой трусцой, предлагая обычное состязание. Такой пробежкой он мог бежать часами без видимой усталости. Ты быстрее? Тогда уноси ноги. Посмотрим, сохранишь ли ты ту же прыть спустя час или два...

Впереди стадо некопытных травоядных заволновалось и слитно потекло прочь. Смысла в этом было немного: редко какой хищник бросит преследовать слабую жертву, прельстившись сильной, да еще стадной. Человек – плохой бегун. Для него неспешная трусца клешняка – все равно что рывок спринтера на стометровке. Никакой человек не выдержит такой темп долее пятнадцати-двадцати секунд.

Тем более в саванне, а не на беговой дорожке.

Зверь догонял. В охоте клешняка на человека не было ничего удивительного: большинство местных хищников охотилось на все, что движется, не утруждая себя сомнениями при встрече с незнакомым существом. Хотя Бранду сейчас казалось, что именно этот клешняк гонится за ним целеустремленнее, чем прочие. А если... тот самый?

Тот самый, что уже однажды попробовал человеческого мяса...

Крутой холм-взгорбок можно было обежать, но Бранд рванул к вершине. Он знал, что клешняку, в отличие от человека, подъемы нипочем, и понимал, что хищник вот-вот приблизится вплотную. Но так было надо.

Подъем кончился, пошел спуск. Бранд наддал. Ветер свистел в ушах. Пора?.. Да, пожалуй, уже пора...

За спиной Бранд услышал дыхание зверя. Дыхание прирожденного стайера, ровное и мощное, как работа кузнечного меха.

Почему, почему у Эрика не сработал антиграв?

А если и у меня сейчас не работает?..

Одновременно с нырком вперед Бранд нажал кнопку на поясе, и нырок перешел в полет. Настройка антиграва не сбилась – теперь тело весило граммы, как и положено при охоте на клешняка методом «живца». Вытянув вперед руки, Бранд заскользил по воздуху над травой. Судя по звукам сзади, на клешняка это не произвело ни малейшего впечатления. Жаль, что клешняки не способны удивляться...

И жаль, что их трудно убить выстрелом спереди, в бронированную морду.

Мешкать не стоило – несмотря на обтягивающую охотничью одежду, сказывалось сопротивление воздуха. Бранд приподнял ладони и взмыл свечкой. В опасной близости от пяток отчетливо клацнула зазубренная клешня. Бранд знал: сейчас зверь резко затормозит лапами и хвостом, оставив широкую вспаханную борозду, и начнет недоуменно озираться, напрасно ища то дерево, на которое сумела взобраться жертва и которое нужно перегрызть, чтобы до нее добраться. Клешняки тупы, действуют по шаблону.

Саванна опрокинулась. Не меняя положения рук, чуть выгнув спину, Бранд описывал в воздухе кривую, в незапамятные времена названную Декартовым листом, а чуть позже переименованную в петлю Нестерова. Траектория полета неминуемо должна была вывести его в точку, находящуюся сзади сверху от зверя, откуда так удобно расправиться с ним одним выстрелом в слабо защищенный крестец.

Именно этот момент предвкушал Эрик, единственный сын, пятнадцатилетний юноша, уже убивший на охоте своего первого клешняка и желавший убить второго, ибо глупых хищников, не видящих разницы между травоядной дичью и человеком, следует уничтожать по мере сил. Тогда Хильда еще была жива, и сын говорил ей: «Да что ты, мама, это совсем не опасно, если только клешняк не сядет тебе на пятки, но я же не лихач, ты знаешь. Я буду очень осторожен, обещаю...».

Антиграв сына почему-то не сработал. Быть может, аккумулятор был с утечкой и разрядился во время отслеживания добычи. Быть может, окислился контакт в кнопке. А может быть – Бранду не хотелось об этом думать, – Эрик испугался до потери самообладания и забыл, что надо делать? Или он упал на бегу, споткнувшись о травяную лиану, или его нога попала в нору роющего животного? Теперь уже никогда не узнать, как все случилось. Но зверь настиг его.

Осталось немного – то, что клешняк бросил, набив брюхо, да еще покореженный, явно побывавший в клешне антиграв, раздавленный детектор живой массы и плазменник, из которого так и не было выпущено ни одного заряда.

Потом люди устроили несколько больших облав, в первую очередь здесь, на нагорье. Было убито свыше сотни клешняков и еще больше других плотоядных существ, опасных и не очень. Падальщики пировали. В общем-то облава оказалась бесполезным делом: на недолгое время нападения зверья на людей стали редкостью. Очень скоро все возобновилось, будто облавы и не было. Люди дали выход ярости, и только.

Честно говоря, и охотиться было совершенно незачем, если не считать того, что это занятие убивало время. Бранд многократно приводил себе доводы против охоты: за тридцать шесть лет жизни на этой планете белковый синтезатор не забарахлил ни разу; большинство местных зверей все равно несъедобно, а немногие съедобные гадки на вкус; охота бывает небезопасна; в уничтожении травоядных нет смысла, а отстрел хищников, нападающих на человека, не приводит к сколько-нибудь заметному уменьшению их численности. Сколько Бранд себя помнил, он не уставал удивляться огромному запасу устойчивости местной экосистемы.

Но тогда, после облавы, Бранду отчего-то казалось, что среди разлагающихся туш мертвых хищников нет того единственного, с кем он мечтал свести счеты...

Быть может, этот?

Бранд завершал виток петли. И в это время высоко в синем небе, находившемся сейчас далеко под ногами, произошло нечто, отвлекшее на мгновение его внимание. Видимо, поэтому выстрел, отчасти погасивший скорость падения, оказался не слишком точен. Пораженный в спину близ крестца клешняк исторг хриплый вой и завертелся на месте. Он был ранен, и, вероятно, ранен смертельно; можно было просто подождать, пока он сдохнет, но Бранд, держась подальше от страшных клешней и убийственных размахов хвоста, поспешил послать в рану еще один заряд.

Тратить на одного зверя два заряда среди охотников всегда считалось дурным тоном и могло вызвать иронические усмешки. Сейчас Бранду было на это наплевать.

Опрокинутый на бок зверь еще издыхал, однако Бранд уже напрочь перестал им интересоваться. В небе разворачивалось феерическое зрелище.

Над планетой всегда сияли две луны, они были видны и днем. Одна – большая и круглая, другая – угловатый обломок на сильно вытянутой орбите, бродяга-астероид, миллионы лет назад плененный притяжением планеты. Орбиты лун не пересекались. В перигее бывший астероид достигал в видимом поперечнике половины диаметра главной луны – в апогее он сжимался в горошину, не всегда различимую глазом в яркий день. Но сегодняшний день был неярким, и солнце светило оранжевым, а не белым.

Помимо двух лун, на дневном небе всегда можно было заметить не меньше десятка ярких звезд скопления Ориона – «родильного дома» горячих гигантов, – а по ночам в небесах ярко пылали облака Большой Туманности, подсвеченные тысячами и тысячами звездных огней. Планета не знала настоящих, темных ночей.

Колыбель молодых звезд – последнее место, где разум (гуманоидный или нет – все равно) подсказал бы его обладателям поискать землеподобные планеты. И тем не менее одна такая планета была – планета у звезды, не родившейся здесь, а забредшей в Большую Туманность по воле случая.

Лучшее убежище находится не там, где не найдут, сколько бы ни искали, а там, где не станут искать.

Бранд смотрел в небо. Радужная воронка открылась там, где только что сияло пятнышко меньшей из лун. Уже тридцать шесть лет Бранд не видел этого зрелища, но даже тот, кто родился здесь и не видел его никогда, не мог ошибиться: в ближнем космосе открывался гиперпространственный канал. Кто-то извне пробивал путь к планете.

Затем в небе вспыхнуло, и Бранд понял, что планета лишилась меньшей луны. Бывший астероид втянуло в жерло, словно пылинку, – канал был инверсным и алчно засасывал материю, чтобы выбросить ее неведомо где. Тем, кто его пробил, придется потратить бездну энергии, чтобы туннелировать оттуда сюда, – но вряд ли это их остановит. Канал просто чудовищный, глотает целые планетоиды... Бранд не знал, умели ли люди в пик своего могущества пробивать каналы, способные пропустить разом не один корабль, а целую эскадру. Или корабль-громадину, каких раньше не строили, чудовище размером с астероид... Вряд ли.

– Все-таки нашли, – сказал Бранд.

Затем сложно и скверно выругался.

2

– Мирмикантропы? – спросил Ираклий сиплым шепотом. – Ты уверен?

– А кто еще? – зло ответил Бранд. – Люди?

– Ты знаешь, что я допускаю...

– Мы с тобой уже говорили об этом, – перебил Бранд. – Говорили много раз. В качестве последнего оплота Крепость существовала не один десяток лет. Кто уцелел – перебирались туда, к нам. Крайне маловероятно, чтобы где-то в Галактике затерялась еще одна планета, населенная людьми. Тем более невероятно, что мирмикантропы до сих пор ее не обнаружили. Ни один человек в здравом уме в это не поверит. Жаль, но чудес не бывает.

– Я не о том, – проговорил Ираклий. – Теоретически возможно, что покинуть Крепость успели не только мы...

– Опять ты за свое? – вздохнул Бранд. – Забыл, как дело было? А я, представь себе, помню. И как эти гады шутя сбивали наши корабли на взлете – помню!

– Кривой Джозеф раньше нас успел увести свой корабль от планеты... – гнул свое Ираклий.

– Потому-то мы и смогли оторваться, что мирмикантропы погнались за Джозефом! Как ты думаешь, много он со своими пассажирами имел шансов удрать от погони? Ни одного!

На том конце линии связи старейшина колонии тяжело вздохнул:

– Быть может, ты и прав... Только не будем раньше времени предполагать худшее, хорошо?

– Раньше времени – не будем, – согласился Бранд. – Но пока не станет ясно, кто заявился к нам в гости, наружу никому не высовываться. И меры предосторожности...

– Это ясно, – перебил Ираклий.

– Свирепые меры!

На том конце линии Ираклий снова вздохнул:

– А какие же еще...

– Связь только в самых экстренных случаях. В самых экстренных! И только через спутник.

– Дураку понятно...

– Дураку, может, и понятно, а некоторым – нет. Предупреди. Я видел, ты видел, а кто-то, возможно, сегодня вообще не глядел в небо.

– Предупрежу сейчас же.

– Тогда пока.

Бранд дал отбой. Он тяжело дышал: после стремительного бега-полета к Дому, сожравшего, между прочим, весь энергоресурс антигравы, легкие жгло огнем и мучительно кололо под сердцем. Успел... Спрятался... Юркнул, как мышь в нору.

В какой-то мере Дом и напоминал нору, глубокую и разветвленную. Снаружи он выглядел ничем не примечательной округлой горушкой, гранитным куполом, миллионы лет назад сглаженным древним ледником. В трещинах гранита укоренились кусты и низкорослые деревца. Местные мхи, лишайники и странные шевелящиеся то ли растения, то ли грибы, то ли вообще невесть что отважно осваивали жизнь на голом камне. Три расселины рассекали гору, по ним стекала вода во время дождей. Словом, обычная, ничем не примечательная возвышенность, каких много и на нагорье Бранда, и вне его.

Ни один из трех входов в Дом не располагался в расселинах. Где будут искать? Там, где сами бы спрятали. В чем-то логика мирмикантропов и людей близка. А значит, расселины категорически не годились. Два входа были вообще вынесены за пределы горы и соединялись с основными помещениями длинными штольнями; третий вход скрывался под многотонной гранитной глыбой, сдвигаемой механизмом, откликавшимся на радиопароль. Обычно Бранд предпочитал дальний путь через штольню.

Когда-то в Доме жили три семьи. Потом старые Дюбуа умерли, а их сын, женившись, перебрался к супруге на другой конец материка. Молчановы ушли жить в Цитадель. Бранд остался. Ему и здесь было хорошо, тем более что он был не один. Старый Бранд, отец, успел понынчить внуков. Жена, Хильда, тоже не слишком страдала от скуки и вполне рассудительно

говорила, что в Цитадели и без нее скопилось чересчур много народу, тогда как безопасность действительно требует рассредоточенности. Дети – Эрик и Хелен – росли здоровыми и послушными. Что еще надо от жизни?

Эрик погиб – глупо, по молодечеству. Нечестно, когда дети уходят из жизни раньше родителей. Через год ушла Хильда, позволив себе угаснуть от непонятной болезни, а вернее всего – просто от тоски. А Хелен перебралась в Цитадель, вышла замуж за белобрысого дылду Юхана, и теперь у них двое крикливых близнецов – Юхан Младший и Хельга.

Она звала в Цитадель и отца. Бранд остался. По-своему Хелен была права: внуки должны расти среди людей, играть со сверстниками, и, кстати, дед им совсем не помешал бы... но потом, потом. Дом можно законсервировать на годы или просто уступить кому-нибудь, нуждающемуся в одиночестве, – все дело было в том, что в одиночестве нуждался сам Бранд.

Он знал, что его прозвали отшельником. Ему было все равно.

Теперь, когда не стало и собаки, одиночество окутало его, словно ватой, Бранд и страдал от него, и упивался им, как крепким вином. Пустую жизнь надо чем-то наполнять, и он наполнял ее риском, охотясь на клешняков самым опасным, зато самым увлекательным способом – как когда-то Эрик. Иной раз, пережив очередной адреналиновый впрыск, он думал о том, что когда-нибудь погибнет так же глупо, как Эрик, и ругал себя последними словами. А потом приходила простая, спокойная и холодная, как сосулька, мысль: умереть не страшно. Он свое пожил. Бесконечно цепляться за жизнь – ради чего? Что в ней есть такого ценного, что заставило бы прилипнуть к ней, как муху к патоке? Испытать еще одну потерю, еще одно опустошение? Или, уподобившись Ираклию, разменявшему девятый десяток, просто тянуть и тянуть, как тянет над лесом подбитый флаер, длить жизнь из интереса: придут когда-нибудь мирмикантропы – не придут?

Ясное дело, придут, хотя при бегстве, кажется, удалось хорошо замести следы и вдобавок найти в космосе сносную планету в бесперспективном районе, по идее, вообще лишенном землеподобных планет. Высадились, разобрали пустой корабль по винтику, зарылись в грунт, как кроты, замаскировались – нет, мол, нас. И каждый все равно знал: не бывает абсолютных убежищ. Через сто лет, через тысячу ли – мирмикантропы доберутся и сюда.

Уже добрались...

Отдышавшись, Бранд кинулся к экрану наружного наблюдения. Радужного кольца в небе уже не было видно: не то оно скрылось в лучах солнца, не то гиперпространственный канал успел схлопнуться, пропустив корабль. Последнее казалось более вероятным: как бы далеко за минувшие десятилетия ни продвинулась техника мирмикантропов, вряд ли с тех пор они приобрели привычку швырять в ничто бездны и бездны энергии, сохраняя ненужный канал. Еще никто не мог отказать им в рациональности мышления, оптимальности решений и решительности действий.

Корабля (или кораблей?) в небе тоже не наблюдалось. Можно было запросить через спутник дальних соседей, живущих на другом краю материка, – что видно у них? Бранд с сожалением поборол искушение. Конечно, инфракрасный лазерный луч, несущий сообщение, обнаружить довольно трудно, но лучше не идти попусту даже на минимальный риск в деле, касающемся не его одного. От пытки неопределенностью еще никто не умирал. Потерпеть час-другой – и все станет ясно.

Бесшумно подкатил робот-прислужник, остановился подле Бранда, внятно подскулил, прося ласки и работы. Имел бы хвост – завиял бы, дурак. Бранд пнул его ногой – уйди, не до тебя! Робот послушно откатился в угол.

Переключив экран с зенитного наблюдения на азимутальное, Бранд тщательно оглядел ближайшие окрестности Дома. Север. Тут чисто... Запад. Юг. Восток. Тоже вроде все в порядке, ничто не выдает человеческого присутствия. Если и завалялась где посторонняя соринка, то в глаза не бросается, ее еще найти надо... И протоптанных тропинок, разумеется,

никаких нет, если только не натоптало зверье. Первое правило: не топчись вблизи Дома, пользуйся антигравом!

С южной стороны рос молодой лес, посаженный еще отцом Бранда, и посаженный грамотно, иррегулярно: не отличить от дикого подростка. Когда-то на этом месте решили было установить солнечную энергостанцию-невидимку и укоренили сотен пять энергопальм, очень похожих на местные деревья, правда, не растущих, не фотосинтезирующих и, понятно, не съедобных. Затея не прошла: местные жвачные животные с длинными шеями, отчасти напоминающие доисторического земного халикотерия, простодушно пытались жевать листья-батареи, получали разряд и, если не падали замертво, начинали в бешенстве драть пластиковые стволы кривыми когтями. С утилизацией энергопальм пришлось помучиться не меньше, чем с их синтезом, и с тех пор Дом питался энергией от не очень-то мощного, зато долговечного ядерного источника, скрытого в толще скалы. Воздух регенерировался, отходы по возможности тоже. Ненужное сбрасывалось в глубокие шурфы. Излишнее тепло отводилось в воды подземной реки, текущей под горой неизвестно откуда и неведомо куда. Бранд понимал, что ночью очень чувствительный тепловизор все же отметит чуть-чуть повышенную – может быть, на тысячную долю градуса – температуру горы, но надеялся, что мирмикантропы при всей их дотошности не придадут этому значения. Мало ли отчего одна гора может быть чуть-чуть теплее другой! Любой человек с ходу назовет полдюжины возможных естественных причин, от близкого магматического очага до радиоактивного месторождения именно под этой горой, а не под какой-нибудь другой.

На всякий случай Бранд приглушил реактор, оставив ровно столько мощности, чтобы хватало на работу внешних «глаз» да аварийного освещения. Хорошо, что солнце палит все жарче, – вполне возможно, что уже завтра никакой прибор не сумеет зарегистрировать отличие Дома от заурадного гранитного купола...

Звезда, которую по старинке именовали Солнцем, относилась к классу микроцефеид. Период ее пульсаций почти точно равнялся десяти суткам, период обращения планеты вокруг звезды – двадцати двум пульсациям. Еще вчера солнце висело в небе распухшим багрово-красным пузырем – сегодня оно заметно съезжилось, окрасилось в приятный оранжевый цвет и уже не позволяло подолгу смотреть на него невооруженным глазом. Завтра оно сожмется еще больше и станет желтым, как настоящее Солнце, послезавтра – белым, а послепослезавтра превратится в ослепительную бело-голубую горошину, изливающую яростные потоки ультрафиолета. В такие дни лучше не выходить из Дома. Животные – и те прячутся. Сожмись однажды солнце и перестань пульсировать дней на десять-двадцать – и на планете не останется ничего живого, кроме микроорганизмов, рыб да роющих животных, никогда не выходящих на поверхность.

Конечно, этого никогда не произойдет. Уже на следующий день после максимума цикла звезда начнет остывать, разбухая буквально на глазах, и на третий день снова станет похожей на Солнце – то, изначальное, никем никогда не виданное, – а на четвертый день набрякший оранжевый шар напомнит старикам то солнце, которое они видели в молодости, и, может быть, вызовет ностальгические воспоминания.

Бранд помнил то солнце – солнце планеты Крепость, последней цитадели исчезающей человеческой цивилизации, – но ностальгии не испытывал. Наверное, потому что он был еще мал тогда, когда людям пришлось бежать. Психика подростков пластична, окружающий мир легко лепит из нее то, что ему надо. Бранд быстро привык к новой тверди под ногами и новому, пульсирующему солнцу над головой. Привык к иному составу воздуха, иным животным и растениям нового мира. Но и старый мир не забыл.

Солнце планеты Крепость было оранжевым карликом, всегда усыпанным оспинами пятен. Планета медленно вращалась вокруг оси, и день тянулся долго, а год состоял из пятидесяти четырех дней. По этой причине Крепость когда-то давно называлась иначе – Игрный

Дом, а дни носили имена соответствующих карт в колоде. Год начинался пиковой мастью – от двойки до туза, далее шла крестовая масть, джокер, бубны, черви и второй джокер. Семерки, короли и тузы исстари были выходными днями, джокеры – общепланетными праздниками. Над уникальным календарем Игрного Дома дружно смеялись обитатели всех освоенных людьми миров, однако не упускали случая познакомиться поближе с такой достопримечательностью, чего местной индустрии, ориентированной главным образом на туризм, и надо было.

Потом наступили иные времена. Туризм забуксовал, игорный бизнес плавно сошел на нет, казино закрылись, от прошлого остался только странный календарь. После гибели человеческих поселений на Лагранже и Новом Марсе правительство дальновидно объявило текущее положение предвоенным. Случилось это лет за сто до рождения Бранда, а когда он появился на свет, планета уже называлась Крепостью и в ее космопортах высаживались уже не развеселые пестрые туристы, а напуганные беженцы. Радикально перестроенная экономика работала почти исключительно на оборону. Создать непроницаемый щит над планетой! Отказаться от излишеств! Не обращать внимания на гибнущую природу – мертвецам ни к чему чистый воздух, прозрачные реки и зеленые лужайки! Перекраивались университетские программы: не время готовить гуманитариев! Больше технических специалистов, больше врачей, больше военных, больше кораблей, еще, еще больше! Остановить мирмикантропов на дальних подступах! Остановить, разбить и отбросить!

Несмотря на постоянный приток беженцев, не хватало рабочих рук. Первыми пали семерки, объявленные правительством рабочими днями. Затем – короли. Удлинялись рабочие смены. Отец Бранда, техник на военном космодроме, приходил домой полумертвый от усталости. Тринадцать долгих рабочих дней, вся масть – затем один выходной туз. Еще тринадцать – и два выходных, туз и джокер. Лет за пять до падения Крепости правительство сделало попытку объявить рабочими днями и тузы, что вызвало яростный взрыв возмущения – вплоть до забастовок, кровавых беспорядков на улицах и объявления военного положения, не приведшего, однако, к росту производства военной продукции. Человек не мирмикантроп: сколь ни долдонь о нависшей смертельной опасности, ему иногда нужен отдых. Можно работать на износ месяц, год – пять лет не продержится никто.

А тогда казалось, что до решающего момента, до окончательного ответа – быть или не быть человечеству – осталось куда больше пяти лет...

В общем-то, правительство (а позднее – военное командование) Крепости не наделало грубых ошибок. Мирмикантропы оказались сильнее, только и всего. В те времена их корабли не превосходили по боевой мощи корабли людей, но кораблей у них было больше. В бою они легко могли менять три корабля на один. И меняли.

Осада длилась долго. Человечество отступало, огрызаясь поначалу на дальних подступах, затем на ближних, дорого продавая одну космическую базу за другой, не давая и не прося пощады. Кому не было известно, что враг не берет пленных? Может быть, в последний раз равнодушная Вселенная увидела примеры величайшей жертвенности и отваги. Патрульные катера бросались в атаку на изливающие огонь линкоры. Расстреливаемые в упор корявые вспомогательные крейсера, переделанные из грузовых посудин, шли на абордаж и зачастую гибли недаром. Ни Бранд, ни кто-либо иной из выживших даже в мыслях не могли упрекнуть защитников Крепости в недостатке воли, храбрости, терпения. Люди сделали что могли. Их ли вина, что ресурсы оборонявшихся иссякли раньше, чем ресурсы нападавших?

Крепость не была захвачена – даже мирмикантропам оказалось не под силу истребить на ней людей, сохранив планету в относительной целостности для своих нужд. Оккупировать куда труднее, чем уничтожить. Планета была испепелена, на ней не осталось ничего живого, включая микроорганизмы в выкипевших океанах. Разумеется, глубоко вырытые убежища не могли спасти гражданское население. Когда окончательно рухнуло управление обороной и исход битвы стал ясен, когда до всеобщей гибели остались минуты, с планеты стартовало несколько

кораблей, набитых беженцами – случайными, кого удалось подобрать в безумной спешке предстартовой подготовки. Проскользнуть сквозь неприятельские эскадры, оторваться от погони и затеряться в безднах космоса им могло помочь только чудо. Бранду и его родителям повезло – они оказались на том корабле, которому это удалось. Вероятно, на единственном.

Звучно капала вода со сталактита, который Бранд выращивал, не пожелав замуровывать трещину в своде. За тридцать шесть лет выросла сосулька длиной в палец. Кап. Кап. Без конца, без смысла. Кап. Кап. Метроном. Бессмысленно уходит время, а делать нечего: надо ждать. Впрочем, разве не бессмысленна вся жизнь маленькой человеческой колонии? Сохранить себя и продолжить себя же в потомстве – главнейшая и, по сути, единственная, но убогая цель. Жить, рожать детей. Последнее время Бранду все настойчивее предлагали взять новую жену – последнему осколку человечества нужны дети, нужно будущее. Через два-три поколения придется вести генетические карты, следить, чтобы не было вырождения, подбирать пары не по любви, а по генетической целесообразности – и рожать, рожать!

И знать в то же время, что рано или поздно придут те, для кого люди – помеха, подлежащая устранению, и чем скорее, тем лучше.

Когда Большой взрыв создал звезды и планеты, он создал их достаточно. Даже более чем достаточно для человечества.

Но не для мирмикантропов.

Быть может, им уже и Галактика стала мала? Бранд находил это вероятным. Иначе с чего бы им исследовать малоперспективные звездные задворки?

Без сомнения, старый Ираклий был не прав – не люди пожаловали в гости. Неоткуда взяться гостям-людям. Пожалуй, с большей долей вероятности можно было предположить, что канал пробили посланцы чужой, неизвестной цивилизации, чего заведомо не могло быть. В Галактике нет третьей цивилизации, этот факт был установлен давным-давно, еще в золотые времена владычества человека над сотнями планет. Во всяком случае, нет цивилизации, осуществляющей звездную экспансию подобно людям или мирмикантропам.

Азбучная истина. И тем не менее Бранд, поглядывая на экраны, не раз ловил себя на неосновательной вере в чудо и, опомнившись, злился на себя. Так маленький ребенок верит, что с ним уж точно не может случиться ничего плохого. Так приговоренный к виселице может жить свои последние минуты верой в то, что глупая веревка оборвется, непременно оборвется! Как она может не оборваться?

Лишь повешенные знают – как.

3

После полудня связь ненадолго ожила, и Ираклий спросил:

– Как дела?

– Пока никак, – ответил Бранд. – Веду наблюдение.

– Ты его видел?

– Корабль? Да. Здоровенная махина. Орбита почти меридиональная, круговая, высота над поверхностью двести девяносто километров. Пока не предпринимает никаких маневров. Может оставаться на этой орбите суток пять.

– Вряд ли они будут ждать пять суток.

Ираклий отключился. Бранду очень хотелось спросить, как там Цитадель, нет ли признаков того, что обнаружена, но он удержался от ненужного вопроса. И так ясно, что пока не обнаружена. Будь иначе – Ираклий попрощался бы.

Медленно перемещалось по небу оранжевое солнце, не краснея к закату, а, наоборот, желтея, и лениво плыли облака. Ветер шевелил кроны рощицы. В прерии, полускрытое купой деревьев, паслось стадо пугливых некопытных; к нему вразвалочку приближался клешняк.

Экосистема планеты жила своей жизнью, ей не было никакого дела ни до старых пришельцев, ни до новых.

Текли часы.

Бранд дважды плотно поел – нервное ожидание всегда возбуждало в нем зверский аппетит, – поразмыслил над тем, не велеть ли синтезатору изготовить литр-другой пива в самораспадающейся упаковке, и отверг эту мысль. Подозвав робота, он приказал ему протестировать все системы Дома, в первую очередь охранные, и, дождавшись благополучного доклада, еще раз скрупулезнейшим образом проверил все сам. Несущественные мелочи существуют для тех, кому не дорога жизнь, а Бранд с удивлением осознал, что он, оказывается, дорожит собой. Это открытие привело его в недолгое замешательство, но он быстро расставил все по полочкам. Умереть от болезни, погибнуть на никому не нужной охоте, убить самого себя, устав жить, – это одно. Такая смерть может выглядеть глупо, но только не с точки зрения ее жертвы. Быть убитым мирмикантропами, да еще не в бою, а прячась под землей – это совсем, совсем другое! Человек не кролик и не мышь.

Впрочем, это смотря с чьей точки зрения...

Задолго до того, как Бранд появился на свет, мирмикантропов в Галактике уже было куда больше, чем людей. С тех пор постепенно, но неуклонно людей становилось все меньше, а мирмикантропов, напротив, больше. Теперь их, наверное, сотни миллиардов, если не триллионы...

А людей?.. Население планеты Крепость в пик наплыва беженцев насчитывало менее миллиарда человек. Той же величине равнялась численность человечества, ибо Крепость оставалась последней планетой, населенной людьми. Она оставалась таковой долго, лет десять... А теперь численность человечества известна с абсолютной точностью и равна ста восьмидесяти семи. Не миллионов и не тысяч. Единиц.

И то и другое было закономерно, если учесть невероятную для антропоморфных существ плодовитость мирмикантропов и их патологическую неприязнь к людям. «Где увидел человека, там его и убей, – гласил, казалось, их девиз. – Остальные дела могут подождать».

И тем не менее человеческая цивилизация еще жила. Сто сорок три человека ступили на поверхность этой планеты тридцать шесть лет назад. Некоторые погибли от неизвестных болезней и трагически-нелепых случайностей, неизбежных при встрече с неизвестным, угасло несколько стариков – но и родилось немало здоровых младенцев. Уже подрастало второе поколение тех, кто не знал иного солнца, кроме вечно пульсирующей звезды. Численность человечества постепенно росла, а набор генов был достаточен, чтобы не бояться вырождения. Ираклий, выборный старейшина, не уставал повторять: «Мы не осколки цивилизации, мы – сама цивилизация. Запомните: цивилизацией называется то, что сознает себя цивилизацией и не собирается это доказывать, зато требует доказательств цивилизованности от всяких посторонних... Запомнили?» Тем трогательней была малоосновательная вера Ираклия в то, что где-то во Вселенной затерялась еще хотя бы одна человеческая община.

Бранд верил и не верил в то, что мирмикантропов создали люди. Он тоже слышал в детстве эту полулегенду: в те времена, когда юное человечество едва освоило ближайшие к Солнцу системы, а технические средства уже позволяли осуществить прыжок в Галактику, неисправимое несовершенство человеческого тела побудило генетиков к более радикальным, чем ранее, экспериментам с целью создания «хомо галактикуса» – более неприхотливого, более пластичного, более способного, более долговечного и плодовитого существа, разумеется, вполне человеческого во всем остальном. В сущности, человеческий организм как конструкция был когда-то «пущен в серию не доведенным до ума»: чуресчур слаб, недостаточно вынослив, с массой болевых точек прямо на поверхности тела! Не говоря уже об острой нехватке психологической устойчивости, свойственной если не всем, то большинству. Нет, не ему, уязвимому для всего, что хоть немного выходит за рамки тепличных условий, и при этом слишком ценному, шагнуть туда, где тепличных условий нет и быть не может...

Логичным показалось «разбросать» функции работы и воспроизводства по разным особям. Логичным – наделить способностью к продолжению рода лишь одну самку из десяти, зато втрое-вчетверо уменьшить время внутриутробного вынашивания и увеличить количество зародышей с одного-двух до пяти-десяти. Более чем логичным – осуществить тонкую работу по перестройке ряда врожденных инстинктов с целью приведения их в соответствие с особой физиологией и особым предназначением новой человеческой расы.

Обострить до предела все пять чувств и добавить несколько новых? Да. Укрепить насколько возможно иммунную систему, защитив новую расу от известных и неизвестных болезней? Безусловно. Оставить и даже усилить практическую сметку, логику, способность к техническому мышлению? Почему бы нет.

И разве вмешательство в геном было произведено впервые? Если бы так – люди по сию пору страдали бы от зубной боли, а на месте выпавших зубов не вырастали новые. Не говоря уже о великом множестве иных болезней, к которым человек ныне совершенно невосприимчив.

Но где проходит грань между человеческим и нечеловеческим, между человеком и нелюдью? Обыкновенный олигофрен, казалось, куда сильнее отличается от среднего человека, нежели мирмикантроп, и тем не менее считается человеком, хотя и ущербным. На каких, скажите, аптечных весах взвесить совесть, верность, доблесть, гуманность, наконец? Какой поверенный метрологом и опломбированный точный прибор использовать для тестирования новых существ на принадлежность к человечеству?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.